

Незир Акиесилман

Реализм и права человека в международных отношениях: возможное партнерство в будущем?

Большинство «великих теорий» современной межгосударственной системы отражает реалистическую школу мысли и проистекают из нее¹. Корни реализма как политической теории тянутся от древнегреческого историка Фукидида, итальянского теоретика Маккиавелли и английского теоретика Томаса Гоббса². Реализм рассматривает государство как главное действующее лицо в анархической (так как отсутствует высшая власть) международной системе. Государство, как **суверенное сообщество**, пытается максимизировать свои **национальные интересы**, выраженные в **силе**. Главный принцип безопасности в **реалистической политике** (*realpolitik*) – **самопомощь**, которая не ограничена ничем, кроме непосредственно **силы**, а **сила** не право, и поэтому международные отношения характеризуются отсутствием права и порядка³. Мартин Уайт описывает международные отношения как «**политику силы**», в которой нет места для прав, правосудия или **морали**, но есть место силе, на которой и строятся отношения⁴. Однако Нибур и до некоторой степени Моргентгау попытались развить реализм, основанный на морали⁵.

-
- ¹ A. Cassels, *Ideology and International Relations in the Modern World*, London: Routledge, 1996, p. 240.
 - ² C. W. Kegley, Jr., E. R. Wittkopf, *World Politics: Trend and Transformation*, New York: St. Martin's Press, 1995, p. 22.
 - ³ R. W. Tucker, *The Inequality of Nations*, New York: Basic Books, 1977, p. 5.
 - ⁴ M. Wight, *Power Politics*, Harmondsworth: Penguin [for] Royal Institute of International Affairs, 1986, p. 29.
 - ⁵ P. S. Wrightson, *Morality, Realism and Foreign Affairs* // B. Frankel (ed.), *Roots of Realism*, London: Frank Cass, 1996, p. 365.

Джек Доннелли утверждает, что теория реализма – старая и хорошо известная теория международных отношений, тогда как права человека стали проблемой мировой политики последних пятидесяти лет⁶. Однако можно утверждать, что права человека в межгосударственной системе появились не вместе с Всеобщей декларацией. Права меньшинства и главным образом понятие «самоопределения личности», которое вошло в Вестфальскую государственную систему в начале XX столетия, были первым серьезным вызовом современной государственноцентрической международной системе, хотя сама по себе это и была статистическая идея. Это был прорыв по двум причинам: во-первых, это была поддержка людей путем наделения их правами в отношении государства, это был вызов понятию реалистов, что государство является основным и унитарным действующим лицом в международной политике. Во-вторых, это положило начало развитию других прав и помогло распространению понятия прав человека. Как считает Майкл Додсон, «самоопределение личности – река, в которой плавают все другие права»⁷. Реализация самоопределения личности «расценивается как существенное, необходимое условие для развития человека средствами, достойными человеческого достоинства»⁸.

Другим решающим моментом у реалистов является то, что они рассматривают мир таким, какой он **есть**, а не таким, каким он **должен** или **может** быть. Поэтому, на их взгляд, политика и этика вряд ли способны объединиться⁹.

В этом эссе я рассмотрю связь между положениями о реализме в международных отношениях и правах человека или **морали**, попытки включить **мораль** в реализм. Затем я рассмотрю вопрос, «является ли реализм все еще реалистическим» и, наконец, предложу новую модель реализма – «постструктуралистский/постмодернистский неореализм», который пытается примирить **мораль** с реализмом в международных отношениях.

⁶ J. Donnelly, *International human rights*, Boulder: Westview Press, 1998, pp. 26-30.

⁷ C. Scott, *Human Rights Quarterly*, 18 (1996), p. 814.

⁸ R. Baehr, *The role of human rights in foreign policy*, Basingstoke: Macmillan, 1996, p. 4.

⁹ P. R. Viotti and M. V. Kauppi, *International Relations theory: Realism, Pluralism, Globalism*, New York: Macmillan; London: Collier Macmillan, 1999, p. 59.

Реализм в отношении к морали

Реализм подчеркивает первенство **силы** и безопасности в политике. Язык силы и безопасности весьма тенденциозен и нацелен на дискредитацию невоенных проблем, высокопарно выражаясь о военных проблемах и проблемах безопасности и уничижительно – о невоенных проблемах. Реалисты описывают военную безопасность, или стратегические проблемы, как **высокую политику**, тогда как экономические и социальные проблемы описываются ими как **низкая политика**¹⁰, или нестратегические проблемы. Поэтому, **сила** – ключевое понятие и решающий инструмент для достижения **национальных интересов**. Они утверждают, что реальный мир **реальной политики** или **политики силы** подобен естественному государству Гоббса, а не Локка и что эффективные действия в международной политике заставляют нас быть реалистичными, а не нравственными. Если это верно, то попытки применения моральных принципов к международным отношениям безнадежно идеалистичны, а те, кто пытается это осуществить¹¹, «не только потерпят полную неудачу, но и сделают страну уязвимой для **силы** корыстных государств»¹².

Булл и Уайт, два видных представителя реализма, утверждают, что нет никаких всеобщих прав человека, что главный носитель прав – государства, а люди имеют лишь те права, которые государство им предоставит. Права государств, однако, являются производными от принципа **суверенности** и нормы **невмешательства**. Булл подчеркивает, что положение о невмешательстве представляет собой минимальное требование для порядка в сообществе государств¹³. **Суверенность** имеет два измерения: внешнее и внутреннее. Внешняя **суверенность** подразумевает принцип невмешательства или свободу от внешнего вмешательства. Внутренняя **суверенность**, напротив, дает государству абсолютные права по отношению к обществу. Коротко говоря, **суверенность** предо-

¹⁰ Там же, р. 7.

¹¹ G. Graham, *Ethics and International Relations*, Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997, р. 25-26.

¹² J. Donnelly, Там же, р. 30.

¹³ R. Fawn and J. Larkins, *International Society after the Cold War: Theoretical Interpretation and Practical Implications* // R. Fawn and J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: anarchy and order reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press, 1996, р. 14.

ставляет государству свободу делать все, что оно сочтет необходимым для достижения своих интересов и выживания. Уважение к **моральным принципам** – опасное покушение на государственную **силу**¹⁴. Однако Николас Уилер и Джастин Моррис утверждают, что принцип **суверенности** и невмешательства не может использоваться государством как оправдание перед лицом человеческих страданий из-за доведения государства до гражданской войны и анархии или притеснения правительством его народа¹⁵. Кофи Аннан также отмечает, что «**суверенность** подразумевает ответственность, а не только **власть**»¹⁶.

Реалистические установления, обеспечивающие порядок в международной системе, – это Равновесие **сил**, Международное право, дипломатия, война и Великие **державы**. Война и равновесие **сил** весьма опасны для такого понятия, как права человека. Логика «равновесия сил», подразумевающая политику силы и отрицающая **мораль** и правосудие¹⁷, может привести к войне, которая сама по себе является «самым большим препятствием **нравственности** и постоянным врагом прогресса»¹⁸. Технологии и развитие военной области также увеличили опасность для гражданских жителей и породили риск нового, еще большего попрания прав человека¹⁹. Однако эти установления приняты в качестве законных инструментов, обеспечивающих порядок в международных отношениях. Это означает, что порядок реалисты предпочитают справедливости и **морали** в политике, особенно в международной политике.

¹⁵ C. W. Kegley, Jr., E. R. Wittkopf, Там же, p. 22.

¹⁶ N. J. Wheeler, J. Morris, *Humanitarian intervention and State practice at the end of the Cold War* // R. Fawn, J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: anarchy and order reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press, 1996, p. 140.

¹⁶ K. Annan, *Human rights and Humanitarian Intervention in the Twenty-First Century* // S. Power and G. Allison (eds.), *Realizing Human Rights: Moving from Inspiration to Impact*, New York: St. Martin's Press, 2000, p. 313.

¹⁷ M. Wight, *op. cit.*, p. 29.

¹⁸ C. Brown, *Really existing Liberalism', Peaceful Democracies and International Order* // R. Fawn and J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: Anarchy and Order Reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press, 1996, p. 42.

¹⁹ D. Hamburg, *Human rights and warfare: An ounce of Prevention is Worth a Pound of Cure* // S. Power and G. Allison (eds.), *Realizing Human Rights: Moving from Inspiration to Impact*, New York: St. Martin's Press, 2000, p. 322.

Г. Ф. Кеннан – один из жестких реалистов, полностью отвергающих **мораль** в межгосударственных отношениях. Он утверждал, что правительство само по себе не нравственно, и главная его цель – защищать национальные интересы, а не моральные убеждения. Он идет и дальше, утверждая, что не существует универсальных стандартов **морали**. Поэтому государства не должны полагаться на нравственные абстракции в своей внешней политике²⁰. Ганс Моргентау в своей «Политике среди Наций» заявляет, что применение нравственного принципа к международной политике – «национальное самоубийство»²¹. Различие между этими двумя реалистами в том, что Кеннан не верит в существование международных нравственных принципов, а Моргентау верит в их существование, но считает, что они не должны применяться в международной политике. Генри Киссинджер также является скептиком, даже в отношении применения **морали** к внешней политике. Это становится ясно из цитаты: «Как наша внешняя политика может служить нравственным целям? Как Америка может продвигать свою роль образца человечности и справедливости в мире, в котором последним арбитром продолжает оставаться **сила**? Как можем мы обезопасить одновременно и собственное существование, и собственные ценности? Как можем мы примирить цели и средства, принципы и выживание?»²².

Другая причина, по которой реалисты отвергают применение **моральных принципов** в международных отношениях, коренится в субъективном характере нравственных ценностей. И поэтому они не могут быть применены к другим странам и культурам. Е. Карр утверждает, что «возможно, абсолютные и универсальные принципы... [это просто] бессознательное отражение национальной политики, основанной на определенной интерпретации **национальных интересов** в определенное время»²³.

Возможно, из-за человеческой природы (классический реализм) или международной анархической структуры (неореализм) или из-за того и другого реалисты считают, что «реа-

²⁰ P. S. Wrightson, *op. cit.*, pp. 360-61.

²¹ Там же, p. 358.

²² D. P. Forsythe, *American Foreign Policy and Human Rights: Rhetoric and Reality // Universal Human Rights*, Vol. 2, No. 3 (1980), p. 35.

²³ P. S. Wrightson, *op. cit.*, p. 357.

лии» международной политики требуют исключения нравственности из внешней политики²⁴.

Международный реализм в основном отдает приоритет личному интересу над **моралью**, **силе** над справедливостью и государству над народом. Реализм имеет тенденцию дегуманизировать мировую политику. Кеннон поддерживает эту точку зрения, говоря, что реалисты предлагают нам «мир, в котором здравому смыслу больше нет места; реализм начинается с обещания спасти мир и кончает его дегуманизацией»²⁵.

Выдвинутые мной положения не отражают всей картины отношений между реализмом и **моралью**. Реалисты стоят перед нравственной дилеммой или нравственной проблемой. С одной стороны, они утверждают, что **мораль** слишком субъективна для политики, с другой, поскольку это обеспечивает стабильность среди корыстных и эгоистичных лиц в силовой политике, они расценивают реализм как высшую нравственную парадигму²⁶.

Нибур: реализм с нравственным лицом

Из числа немногих теоретиков, имевших дело с «моральной проблемой» в реализме, Рейнгольд Нибур развил самую значимую моральную теорию. Большинство реалистов не отвергает идею **моральных** принципов полностью. Они полагают, что **мораль** может что-то привнести в международную политику, но будет лучше, если этого не случится²⁷. Они допускают нравственные стандарты в международных отношениях, пока они не входят в противоречие с понятиями **власти** и **выгоды**²⁸.

Моргентау утверждает, что реалистическая внешняя политика включает в себя **моральные принципы**, происходящие из политической действительности. Он определил политическую **мораль** «как моральные действия, наилучшим образом служащие **силе** государства, которая, в свою очередь, подразу-

²⁴ J. Donnelly, *Twentieth-century Realism* // T. Nardin and D. R. Mapel (eds.), *Traditions of International Ethics*, Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 94-95.

²⁵ J. Cannon, Introduction // H. Putman, *Realism with a Human Face*, Cambridge and London: Harvard University Press, 1990, p. xv.

²⁶ P. S. Wrightson, *op. cit.*, p. 354.

²⁷ G. Graham, *op. cit.*, p. 27.

²⁸ J. Donnelly, *op. cit.*, p. 96.

меваает те, что наилучшим образом служат **национальным интересам**»²⁹. Однако он не точен в своем определении. Моральны ли действия, служащие главным образом **национальным интересам**, или государство отдает предпочтение моральным действиям, наилучшим образом служащим **национальным интересам**?

В отличие от большинства реалистов, которые утверждают, что **мораль** относится к абстрактным ценностям, Бхаскар утверждает, что ценности внутренне присущи **фактам** о мире. **Мораль** как знание «существует независимо от нас и может быть выявлена нами»³⁰. Такое представление, хотя и не идентично, но до определенной степени совместимо со взглядом Нибура. Нибур говорит, что **моральные принципы** в реализме полагаются на личный интерес в пределах **человеческой воли**, которую он описывает в терминах взаимозависимости, взаимодействия, подчинения и правосудия. Он утверждает, что нормы взаимозависимости – высший уровень **морали**. Не подлежит обсуждению, говорит он, стоит ли учитывать моральные аспекты во внешней политике или нет. «Моральное видение мира заложено в человеческой природе»³¹. Однако он также соглашается и с ограниченностью **морали**. Он говорит: «Не существует чисто моральных решений ключевых моральных жизненных проблем... Люди должны использовать свою **силу**, чтобы сделать ее и инструментом справедливости и слугой интересов, превосходящих их собственные»³².

Для Нибура главная цель политики на всех уровнях – мораль. Он является очень значительной фигурой в моральном реализме по двум причинам. Во-первых, он укореняет **моральные принципы** в реальности, а во-вторых, дает реализму моральное обоснование. Его **моральные принципы** происходят из двух источников. Первый – человеческая природа, которая может судить о добре и зле. Второй – общепринятые кодексы поведения в сообществах, сформировавшиеся с течением времени³³. Однако не ясно, говорит ли он об

²⁹ P. S. Wrightson, *op. cit.*, p. 358.

³⁰ A. Collier, *Realism and Formalism in Ethics* // M. Archer et. al, *Critical Realism: Essential Readings*, London and New York: Routledge, 1998, p. 695.

³¹ P. S. Wrightson, *op. cit.*, pp. 358-60.

³² Там же, p. 372.

³³ Там же.

универсальной **морали** или относительных **моральных принципах**.

Реализм все еще реалистичен?

Окончание холодной войны породило новые проблемы национальной безопасности: этнические конфликты, ведущие к гражданским войнам, увеличивающим число мигрантов и беженцев, экономическую конкуренцию, экологические проблемы и проблемы культурной идентификации в международных отношениях, включая права человека и религию³⁴. Многочисленные проблемы, которые не отражены в четкой иерархии, доказывают, что военная безопасность уже не доминирует в международных отношениях. Кроме того, стало очень трудно провести четкую линию между внутренними и внешними проблемами³⁵, как это делали классические реалисты. Новый мировой (бес)порядок отводит **морали** достаточно много места. Тони Блэр заявил, что «новый интернационализм основан на ценностях и верховенстве законности». Билл Клинтон выражается тем же языком и заявляет, что, «если кто-то пытается совершить массовое убийство невинных граждан из-за их расы, этнической принадлежности или религии и в наших **силах** остановить это, – мы это остановим»³⁶.

После таких изменений в международных отношениях мы должны обсудить законность и уместность реализма в мировой политике. Какая политика наиболее удовлетворяет **национальные интересы**? Обеспечивает ли оружие национальную безопасность или провоцирует гонки вооружений и войну? Направлены ли национальные интересы лишь на

³⁴ P. J. Katzenstein, *Why Traditional national Security issues* // P. Z. Katzenstein (ed.), *The Culture of national security: Norms and Identity in World Politics*, New York: Colombia University Press, 1996, p. 7.

³⁵ R. O. Keohane, J. S. Nye, *Realism and Complex Interdependence* // M. Williams (ed.), *International Relations in the Twentieth Century: a Reader*, London: MacMillan, 1989, p. 243.

³⁶ J. Shattuck, *Diplomacy with a Cause: Human rights in U.S. foreign Policy* // *Realizing human rights: moving from inspiration to impact*, New York: St. Martin's Press, 2000, pp. 265-66.

соревнование друг с другом? Если человеческая природа неизменна, то как мы объясним изменения в эволюции и преобразовании международной системы?

То, как классические реалисты используют такие понятия, как «**национальные интересы**», «**сила**» и «**баланс сил**», присутствует непоследовательность и даже противоречие. С одной стороны, государства действуют в рамках интересов, определенных как **власть**, с другой стороны, они ограничивают себя и признают законными **национальные интересы** других наций³⁷.

Естественно, что политические сообщества, в отличие от людей, рождаются неравными и, по причине неравных естественных возможностей, неравными и остаются³⁸. Если международные отношения – это **политика силы**, которая отрицает **моральные принципы**, тогда почему принцип «суверенного равенства государств» и принцип «невмешательства» связывает государства? Эти законные принципы доказывают, что реалисты рассматривают мир не только таким, какой он **есть**, но и таким, какой он **должен** или **может** быть.

Новая формула классического реализма, известного как неореализм или структурный реализм, основана не на постоянстве человеческой природы, а на динамической и изменяющейся структуре международной системы³⁹. Такая трансформация реализма может рассматриваться как революция, подающая надежду на то, что в реалистической парадигме найдут себе место новые аспекты.

Что же это за новые «аспекты» реализма? Необходим новый вариант политического реализма, основанный на взглядах Нибура. В этом варианте, который, вероятно, можно назвать «постструктурным неореализмом», должны быть учтены все новые события международной политики.

Прежде всего **моральные принципы**, а особенно права человека, должны иметь место в теории по нескольким причинам. Для реалистов главное действующее лицо в международных отношениях – государство⁴⁰, которое является также принципиальным политическим образованием для защиты и

³⁷ C. W. Kegley, Jr., E. R. Wittkopf, *op. cit.*, p. 29.

³⁸ R. W. Tucker, *op. cit.*, p. 161.

³⁹ C. W. Kegley, Jr., E. R. Wittkopf, *op. cit.*, p. 25.

⁴⁰ Там же, p. 22.

продвижения прав человека. Вторая причина в том, что сегодня права человека не только интеллектуальное понятие, но и реальное явление, которое подвергает опасности международную безопасность. В апреле 1991 года Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял резолюцию 688, которая объявила, что проблема беженцев, вызванная притеснением Саддамом курдов, представляет «угрозу миру и безопасности»⁴¹. Отсюда видна сильная взаимосвязь между правами человека и двумя ключевыми понятиями реализма – **государством и безопасностью**.

О втором пункте пишет Мартин Уайт в своей книге «Силовая политика», отмечая разницу между **национальными интересами и престижем**. Как реалист, он рассматривает престиж как жизненно важный элемент международной политики, с помощью которого нации могут достигать того, чего никогда не смогли бы достичь своей силой⁴². Тогда какая же политика увеличивает престиж государств в современной мировой политике: нарушение прав человека или неукоснительное их соблюдение? Государства с более высоким соблюдением прав человека, вероятно, будут иметь и более высокий престиж на сегодняшней международной политической арене.

Третий пункт состоит в том, что новые версии реализма основываются на структуре международной системы. Что же им делать, если «новый интернационализм базируется на ценностях и торжестве законности»?⁴³

Очевидно, что со времени окончания холодной войны произошли глубокие и заметные изменения в международных отношениях. С тех пор все больше число критиков отмечало, что международный реализм не способен объяснить новые существенные изменения в международной политике⁴⁴. Поэтому реализм нуждается в новом преобразовании, которое будет включать в себя этические принципы и социальные ценности. Иначе окончание холодной войны и последующие изменения ознаменовали бы конец исторического развития.

⁴¹ N. J. Wheeler J. Morris, *op. cit.*, p. 145.

⁴² M. Wight, *op. cit.*, p. 97.

⁴³ J. Shattuck, *op. cit.*, p. 265.

⁴⁴ C. W. Kegley, Jr., E. R. Wittkopf, *op. cit.*, p. 24.

Не «конец истории»⁴⁵, как сказал Фукуяма, а «конец политического реализма».

Права человека нуждаются в реализме, доминирующей теории в международных отношениях, а реализм, с другой стороны, нуждается в правах человека и подобных им международных проблемах, чтобы избавиться от собственных недостатков. Невозможно превратить **мораль** в основополагающий принцип реализма, но она должна в нем присутствовать. Об этом ясно говорит Доннели: «Мы не можем рассчитывать, что реалисты всех мастей отведут центральное место моральным аспектам. Тем не менее, мы можем надеяться, что неореализм [или новые варианты реализма] позволит морали занять место в развитии и практике новых международных отношений, что отвергалось более ранними поколениями реалистов. Надлежит, наконец, заново открыть конструктивный взаимообмен между реалистами и теми, кто более активно связан с вопросами морали, в международных отношениях»⁴⁶.

Библиография

- Annan, K., 2000. *Human rights and Humanitarian Intervention in the Twenty-First Century* // S. Power and G. Allison (eds.), *Realizing Human Rights: Moving from Inspiration to Impact*, New York: St. Martin's Press.
- Baehr, R., 1996. *The role of human rights in foreign policy*, Basingstoke: Macmillan.
- Brown, C., 1996. *Really existing Liberalism, Peaceful Democracies and International Order* // R. Fawn and J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: Anarchy and Order Reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press.
- Cannon, J., 1990. *Introduction* // H. Putman, *Realism with a Human Face*, Cambridge and London: Harvard University Press.
- Cassels, A., 1996. *Ideology and international relations in the modern world*, London: Routledge.
- Collier, A., 1998. *Realism and Formalism in Ethics* // M. Archer et. al, *Critical Realism: Essential Readings*, London and New York: Routledge.
- Donnelly, J., 1998. *International human rights*, Boulder: Westview Press.

⁴⁵ Там же, p. 562.

⁴⁶ J. Donnelly, *op. cit.* p. 108.

- , 1992. *Twentieth-century Realism* // T. Nardin and D. R. Mapel (eds.), *Traditions of International Ethics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Forsythe, D. P., 1980. *American Foreign Policy and Human Rights: Rhetoric and Reality* // *Universal Human Rights*, Vol. 2, No. 3.
- Fawn, R., J. Larkins, 1996. *International Society after the Cold War: Theoretical Interpretation and Practical Implications* // R. Fawn and J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: anarchy and order reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press.
- Graham, G., 1997., *Ethics and International Relations*, Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Hamburg, D., 2000. *Human rights and warfare: An ounce of Prevention is Worth a Pound of Cure* // S. Power and G. Allison (eds.), *Realizing Human Rights: Moving from Inspiration to Impact*, New York : St. Martin's Press.
- Katzenstein, P. J., 1996. *Why Traditional national Security issues* // P. Z. Katzenstein (ed.), *The Culture of national security: Norms and Identity in World Politics*, New York: Colombia University Press.
- Kegley, C. W., Jr., E. R. Wittkopf, 1995. *World politics: trend and transformation*, New York: St. Martin's Press.
- Keohane, R. O., J. S. Nye, 1989. *Realism and Complex Interdependence* // M. Williams (ed.), *International Relations in the Twentieth Century: a Reader*, London: MacMillan.
- Scott, C., 1996. *Human Rights Quarterly*, 18.
- Shattuck, J., 2000. *Diplomacy with a Cause: Human rights in U.S. foreign Policy* // *Realizing human rights : moving from inspiration to impact*, New York: St. Martin's Press.
- Tucker, R. W., 1997. *The inequality of nations*, New York: Basic Books.
- Viotti, P. R., M. V. Kauppi, 1999. *International Relations theory : Realism, Pluralism, Globalism*, New York: Macmillan; London: Collier Macmillan.
- Wheeler, N. J., J. Morris, 1996. *Humanitarian intervention and State practice at the end of the Cold War* // R. Fawn and J. Larkins (eds.), *International Society after the Cold War: anarchy and order reconsidered*, Basingstoke: Macmillan Press.
- Wight, M., 1986. *Power politics*, Harmondsworth: Penguin [for] Royal Institute of International Affairs, 1986.
- Wrightson, P. S., 1996. *Morality, Realism and Foreign affairs* // B. Frankel (ed.), *Roots of realism*, London: Frank Cass.